

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «БОЙКО против РОССИИ»

(Жалоба № 42259/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

20 февраля 2018 года

*Настоящее постановление вступило в силу, но может быть подвергнуто
редакционной правке.*

По делу «Бойко против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседавая Комитетом в составе:

Бранко Лубарда, *Председатель*,

Пере Пастор Виланова,

Георгиос А. Сергидес, *судьи*,

а также Фатош Араджи, *заместитель Секретаря Секции*,

проведя заседание за закрытыми дверями 30 января 2018 года,

вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано по жалобе (№ 42259/07) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Российской Федерации Бойко Василием Вадимовичем (далее — «заявитель») 18 сентября 2007 года.

2. Интересы заявителя в Суде представляла К. Костромина, адвокат, практикующий в г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») первоначально представлял Г. Матюшкин, занимавший на тот момент должность Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. В частности, заявитель жаловался на то, что содержание его под стражей в ходе предварительного следствия являлось чрезмерно длительным, что постановление о заключении под стражу было вынесено в его отсутствие и что его жалобы на постановления о заключении под стражу не были рассмотрены безотлагательно; что ему не разрешали встречаться с родственниками и священником во время содержания под стражей, а также на создание препятствий для подачи индивидуальной жалобы в Суд.

4. 4 сентября 2012 года указанные выше жалобы были коммуницированы Властям.

ФАКТЫ**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель 1959 года рождения проживает в г. Москве.

6. Обстоятельства дела, в том виде, в котором они были представлены сторонами, могут быть кратко изложены следующим образом.

А. Задержание заявителя и его заключение под стражу

7. 24 ноября 2006 года заявитель, являющийся владельцем и генеральным директором крупного предприятия молочной отрасли, был обвинен в мошенничестве в особо крупном размере и отмывании денег и вызван на допрос. Он не явился на несколько первых допросов, в результате следователь внес его имя в список лиц, скрывающихся от правосудия.

8. 26 января 2007 года следователь, основываясь на информации о том, что заявитель скрылся за границей, ходатайствовал в Останкинский районный суд г. Москвы о вынесении постановления о заключении под стражу.

9. Заседание по вопросу заключения под стражу было назначено на 1 февраля 2007 года. Адвокаты заявителя были уведомлены о дате и времени заседания накануне, но не явились на него и попросили следователя отложить рассмотрение жалобы в связи с их участием в других производствах. Районный суд назначил бесплатного адвоката для представления интересов отсутствующего заявителя, провел заседание и вынес постановление о заключении под стражу, учитывая тот факт, что заявитель скрылся от правосудия, направившись сначала на Украину, а оттуда - в Венгрию, тяжесть обвинений, выдвинутых против него, и риск создания помех расследованию. 9 февраля 2007 года адвокаты заявителя обжаловали указанное решение.

10. 15 февраля 2007 года заявитель был задержан в г. Москве.

11. 19 марта 2007 года Московский городской суд провел слушание по кассационной жалобе в отношении постановления о заключении под стражу. В судебном заседании присутствовали и заявитель, и его адвокаты. Учитывая достаточно серьезный риск попыток скрыться и создания помех расследованию, городской суд оставил постановление о заключении под стражу без изменений.

12. Позднее срок содержания заявителя под стражей продлевался девять раз. Каждый раз заявитель обжаловал соответствующие постановления в течение 2-10 дней с даты проведения заседания. Кассационные суды рассматривали жалобы в течение 26-60 дней.

13. Самое последнее постановление о содержании под стражей от 25 июля 2008 было отменено в кассационном порядке Верховным Судом 2 октября 2008 года. Верховный Суд признал отсутствие доказательств, подтверждающих риск осуществления попыток скрыться от правосудия или создания помех правосудию. Следствие продолжалось более двух лет, из которых более 1,5 лет заявитель

содержался под стражей. Верховный Суд пришел к выводу, что производство было необоснованно длительным, и постановил выпустить заявителя под залог.

В. Ограничения визитов членов семьи и встреч со священниками

14. Во время содержания под стражей заявитель просил у следователя разрешения встретиться со своими матерью, женой и детьми, а также с двумя ортодоксальными священниками, А. и С.

15. С согласия следователя заявитель дважды виделся с матерью и дочерьми в апреле и мае 2007 года. В августе и сентябре 2007 года следователь допрашивал его жену и мать как потенциальных свидетелей, но они отказались давать показания, ссылаясь на конституционную гарантию права не давать показаний. Впоследствии следователь отказывал заявителю в просьбах встретиться с его семьей, мотивируя это тем, что такие визиты могут «оказать негативное влияние на ход расследования». Что касается ортодоксальных священников, 29 марта 2007 года следователь отказал в визите С. на том же основании. 30 августа 2007 года следователь вновь отказал в визите священников, утверждая, что вместо этого заявитель может увидеться со священником, имевшимся в учреждении.

16. Защитник заявителя подал ходатайство о судебном пересмотре ограничения посещений.

17. 24 октября 2007 года и 6 февраля 2008 года Тверской районный суд признал отказы в посещениях священников законными и оправданными, придерживаясь мнения о том, что следователь имеет полное право определять, идут ли такие визиты вразрез с интересами следствия. 18 июня 2008 года городской суд оставил последнее решение без изменений, придерживаясь мнения о том, что ограничение религиозных прав было закономерным следствием содержания заявителя под стражей в ходе предварительного следствия.

18. Что касается визитов членов семьи, 30 октября 2007 года Тверской районный суд частично удовлетворил жалобу заявителя, отметив следующее:

(а) ограничения визитов жены и матери заявителя после допроса в качестве свидетелей по уголовному делу были законными и находились в пределах компетенции следователя;

(б) ограничения визитов жены и матери заявителя в предшествующий период не были оправданными, тем не менее, заявителю не могло быть предоставлено никакой помощи, поскольку им уже был присвоен статус свидетелей, и у следователя в любой момент времени могло возникнуть желание допросить их повторно;

(с) ограничения визитов детей заявителя не были оправданными, поэтому следователя обязали устранить нарушение прав заявителя.

С. Ограничения встреч заявителя с его представителем в Суде

19. 10 декабря 2007 года представитель заявителя в Суде, Костромина, попросила начальника следственного изолятора разрешить ей встретиться с заявителем и предоставила документы, подтверждающие ее статус. Ее заявление было передано следователю.

20. 24 января 2008 года Костромина подала жалобу в Преображенский районный суд, заявив, что начальник изолятора должен был беспрепятственно предоставить ей возможность визита, как указано в статье 34 Конвенции, гарантирующей беспрепятственный доступ заявителя к своему представителю.

21. 15 февраля 2008 года районный суд отказал в удовлетворении жалобы, ссылаясь на то, что Костромина не являлась адвокатом заявителя согласно внутригосударственному уголовному процессу и, таким образом, не могла посещать его. 6 мая 2008 года Московский городской суд, рассмотрев апелляционную жалобу, оставил указанное решение без изменений.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

22. Заявитель жаловался, что срок его содержания под стражей в ходе предварительного следствия был чрезмерно длительным. Эта жалоба должна быть рассмотрена в рамках пункта 3 статьи 5 Конвенции, который гласит следующее:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с положениями подпункта «с» пункта 1 настоящей статьи... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

23. Власти утверждали, что постановления о заключении заявителя под стражу и о продлении его содержания под стражей были обоснованными и оправданными.

А. Приемлемость

24. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Также она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

25. Соответствующие принципы, относящиеся к оценке содержания под стражей в ходе предварительного следствия с точки зрения соответствия пункту 3 статьи 5 Конвенции, были кратко изложены в постановлении от 24 марта 2016 года по делу «Жеребин против России» (*Zherebin v. Russia*) (жалоба № 51445/09, пункты 49-54).

26. Суд принял во внимание выводы Верховного Суда, касающиеся чрезмерной длительности уголовного судопроизводства и неспособности внутригосударственных судов обосновать риск создания помех (см. пункт 13 выше). Суд не видит оснований для иного вывода. Таким образом, Суд приходит к выводу, что содержание заявителя под стражей в ходе предварительного следствия не было основано на причинах, «относящихся к делу и являющихся достаточными», а также было чрезмерно длительным.

27. Следовательно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

28. Заявитель жаловался на то, что постановление о его заключении под стражу было принято в его отсутствие и в отсутствие его адвокатов, а также на то, что внутригосударственные суды не смогли безотлагательно пересмотреть постановление о его заключении под стражу. Данные части жалоб следует рассматривать с точки зрения пункта 4 статьи 5 Конвенции, который гласит:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным...»

29. Власти утверждали, что заявитель и его адвокаты способствовали задержкам в изучении апелляционных жалоб на выдачу постановлений о заключении под стражу. В частности, они обжаловали подлинность протокола заседания, подали несколько апелляционных жалоб и настаивали на личном участии заявителя в заседаниях суда апелляционной инстанции.

А. Приемлемость

30. Что касается жалобы на то, что первоначальное постановление о заключении под стражу было выдано в отсутствие заявителя и его адвокатов, Суд отмечает, что, покинув территорию Российской Федерации, заявитель упустил возможность участия в данном производстве. Его адвокаты были заранее уведомлены о дате и времени заседания и могли попросить суд об отсрочке, но не воспользовались данной возможностью. Поскольку суд назначил бесплатного адвоката для представления интересов заявителя в данном производстве и поскольку доказательства того, что защитник недобросовестно исполнял свои обязанности, отсутствуют, то данное производство соответствует требованиям пункта 4 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 13 декабря 2016 года по делу «Снятовский против России» (*Snyatovskiy v. Russia*), жалоба № 10341/07, пункты 59-60). Следовательно, данная часть жалобы является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

31. Суд также отмечает, что жалоба, касающаяся заседания по кассационной жалобе, которое проходило 26 декабря 2007 года, была подана в Суд 6 сентября 2008 года, т.е. по истечении шестимесячного периода. Из этого следует, что данная жалоба была подана несвоевременно и подлежит отклонению в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

32. Что касается оставшейся части данной жалобы, Суд отмечает, что она не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Также она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

33. Суд напоминает, что он уже устанавливал нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в ряде дел, инициированным по жалобам против России, в которых, в частности, было признано, что производство по вопросу законности содержания заявителей под стражей длилось тридцать четыре (см. постановление Европейского Суда от 5 января 2016 года по делу «Манеров против России» (*Manerov v. Russia*), жалоба № 49848/10, пункты 43-47), двадцать семь (см. постановление Европейского Суда от 23 октября 2012 года по делу «Пичугин против России» (*Pichugin v. Russia*), жалоба № 38623/03, пункты 154-156), двадцать (см. постановление Европейского Суда от 22 декабря 2009 года по делу «Бутусов против России» (*Butusov v. Russia*), жалоба № 7923/04, пункты 32-35) или двадцать шесть дней (см. постановление

Европейского Суда от 1 июня 2006 года по делу «Мамедова против России» (*Mamedova v. Russia*), жалоба № 7064/05, пункт 96); при этом Суд подчеркивал, что ответственность за общую длительность производств лежала на органах власти.

34. Даже с учетом заявления Властей о том, что заявитель каким-либо образом задерживал рассмотрение своих кассационных жалоб, в каждом случае задержки со стороны органов власти все равно превышали 26 дней. Суд полагает, что апелляционное производство по проверке законности содержания заявителя под стражей не отвечало требованию «безотлагательности», предусмотренному пунктом 4 статьи 5 Конвенции.

35. Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение данной статьи.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

36. Заявитель жаловался на то, что ему не разрешали встречаться с членами своей семьи. Он ссылаясь на статью 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

37. Власти утверждали, что ограничение встреч заявителя с женой и матерью было законным и обоснованным, поскольку они являлись свидетелями по уголовному делу в отношении заявителя.

А. Приемлемость

38. Суд полагает, что, поскольку районный суд подтвердил, что ограничение встреч заявителя с его детьми был незаконным, и обязал следователя устранить данные нарушения (см. пункт 18 выше), это, по существу, аналогично подтверждению нарушения права заявителя на семейную жизнь и составило достаточное возмещение вреда в обстоятельствах данного дела. Заявитель не может более рассматриваться в качестве «жертвы» в отношении данной части жалобы, которая является несовместимой *ratione materiae* с положениями Конвенции в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35.

39. Что касается ограничений визитов матери и жены заявителя, которые районный суд признал законными и отказал заявителю в предоставлении средств судебной защиты, Суд полагает, что данная часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Также она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

40. Суд напоминает, что отклонение жалоб на ограничение визитов членов семьи или их частоты является посягательством на права заявителя по статье 8 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу «Мессина против Италии» (№ 2) (*Messina v. Italy* (№ 2)), жалоба № 25498/94, пункт 62, ECHR 2000-X, и постановление Европейского Суда от 9 октября 2008 года по делу «Моисеев против России» (*Moiseyev v. Russia*), жалоба № 62936/00, пункт 247).

41. Ранее Суд отмечал, что статья 18 Федерального закона Российской Федерации «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» – которая предусматривает дискреционное право следователя разрешать до двух визитов в месяц – не удовлетворяет требованиям к «качеству закона» и предсказуемости, поскольку она предоставляет неограниченные полномочия для следователя в отношении визитов в тюрьму, но не определяет обстоятельства, срок действия и основания для отказа в визите (см. постановление Европейского Суда от 12 июня 2008 года по делу «Власов против России» (*Vlasov v. Russia*), жалоба № 78146/01, пункт 126, и упоминавшееся выше постановление по делу «Моисеев против России», пункт 250).

42. Внутригосударственный суд дал критическую оценку злоупотреблению следователем своих полномочий в отношении визитов матери и жены заявителя на начальных этапах расследования (см. подпункт «b» пункта 18 выше). Однако он подтвердил абсолютную природу полномочий следователя в более позднем периоде (см. подпункт «с») и отказал в пересмотре решения, классифицируя мать и жену как свидетелей судебного следствия. Он не пытался пойти на компромисс с учетом потребностей следствия и права заявителя на уважение личной жизни. Из текста постановления районного суда ясно следует, что выводы, касающиеся семейной жизни заявителя, никак не повлияли на процедуру принятия решения.

43. Суд полагает, что, не соблюдая необходимый баланс, внутригосударственные органы власти не выполнили своих обязательств в части указания относящихся к делу и являющихся достаточными причин для вмешательства.

44. Следовательно, в настоящем деле было допущено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с отказом в выдаче разрешения на посещения заявителя его матерью и женой.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 9 КОНВЕНЦИИ

45. Заявитель жаловался на то, что отказ следователя разрешить ему увидеться со священниками А. и С. нарушил статью 9 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

46. Власти утверждали, что следователь имеет полное право принимать решения, касающиеся возможности подобных визитов. Более того, в следственном изоляторе был православный священник, и лица, содержащиеся под стражей, могли попросить о встрече с ним.

А. Приемлемость

47. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Также она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

48. Суд напоминает, что отказ в визите священников является посягательством на право заключенного на свободу религии (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мозер против Республики Молдова и России» (*Mozer v. the Republic of Moldova and Russia*), жалоба 11138/10, пункт 197, ECHR 2016). Наличие тюремных священников не изменяет данного вывода, но может быть учтено при оценке соразмерности вмешательства.

49. Первое требование заключается в том, что вмешательство должно быть «предусмотрено законом». Как Суд заявлял ранее при анализе статьи 8 Конвенции, абсолютные полномочия следователя в отношении посещений изолятора, лишили заявителя минимальной

степени защиты от произвола или злоупотреблений, на которую могут рассчитывать граждане по принципу верховенства права в демократическом обществе. Настоящая жалоба наглядно показывает, как можно злоупотреблять неограниченными полномочиями. Следовательно отказал в визите священника на основании того, что это может негативно отразиться на ходе расследования, без объяснения причин этого и без оценки вреда, который будет причинен праву заявителя на свободу религии. Суды ничего не сделали, чтобы осудить злоупотребления и подтвердили неограниченные полномочия следователя. В данных обстоятельствах Европейский Суд полагает, что законодательная основа, регулирующая условия визитов священников, является недостаточной с точки зрения требований к «качеству закона».

50. Соответственно, имело место нарушение статьи 9 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 34 КОНВЕНЦИИ

51. Заявитель жаловался на то, что Костроминой, его представителю в Суде, не разрешили посетить его в следственном изоляторе для подготовки его жалобы в Суд. Он ссылаясь на статью 34 Конвенции, которая гласит:

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

52. Власти утверждали, что Костроминой не разрешили увидеться с заявителем, поскольку она не была уполномочена действовать в качестве его защитника в рамках уголовного судопроизводства.

53. Суд выявил нарушение статьи 34 Конвенции в аналогичном упоминавшемся выше постановлении по делу «Захаркин против России» (пункты 157-160), в котором отказ в визите представителя в Суде к заявителю был обусловлен недостатками внутригосударственного законодательства. В настоящем деле Костроминой не позволили посетить заявителя, находящегося под стражей, ссылаясь на те же правовые нормы.

54. Следовательно, Суд приходит к выводу, что в данном деле государство-ответчик не выполнило своих обязательств в соответствии со статьей 34 Конвенции.

VI. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

55. В заключение Европейский Суд рассмотрел остальные жалобы заявителей и, принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы и в той степени, в которой данные жалобы относятся к его компетенции, пришел к выводу об отсутствии признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции и Протоколах к ней. Следовательно, данная часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная на основании подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

56. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

57. Заявитель потребовал общую компенсацию в 12 000 000 евро в качестве компенсации имущественного ущерба и морального вреда, в частности, за потерю возможности ведения деловой деятельности.

58. Власти утверждали, что установление нарушения само по себе является достаточной справедливой компенсацией.

59. Заявитель не предоставил свидетельств, демонстрирующих наличие причинно-следственной связи между выявленными нарушениями и предполагаемыми потерями. Таким образом, Суд отклонил его требования в соответствующей части. С другой стороны, производя оценку на справедливой основе, Европейский Суд присуждает заявителю 7 500 евро в счет компенсации морального вреда плюс любой налог, который может быть начислен на указанную сумму.

60. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной процентной ставке Европейского центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *признал* жалобы, касающиеся отсутствия относящихся к делу и являющихся достаточными причин содержания заявителя под стражей в ходе предварительного следствия, недостаточно

оперативного судебного пересмотра постановлений о заключении под стражу, за исключением постановления о заключении под стражу от 19 октября 2007 года, а также ограничений визитов матери, жены и священников к заявителю приемлемыми, а остальную часть жалобы — неприемлемой;

2. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
3. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;
4. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 8 Конвенции;
5. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 9 Конвенции;
6. *постановил*, что государство-ответчик не исполнило своих обязательств в соответствии со статьей 34 Конвенции;
7. *постановил*
 - (а) что государство-ответчик должно в течение трех месяцев выплатить заявителю 7 500 (семь тысяч пятьсот) евро в качестве компенсации неимущественного ущерба в валюте государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, а также все налоги, подлежащие начислению на указанную сумму;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной процентной ставке Европейского центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;
8. *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении в письменной форме направлено 20 февраля 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араджи
Заместитель Секретаря

Бранко Лубарда
Председатель